УДК 821(091)

ИСТОКИ ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОГО МЫШЛЕНИЯ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУРАХ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

А.Ф. Мышкина

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова. г.Чебоксары
E-mail: alb-myshkina@yandex.ru

Проанализирована литература народов Поволжья и Приуралья: чувашская, марийская, башкирская, татарская, мордовская и коми на стадии их становления. Определены основные пути формирования художественно-эстетического сознания и художественно-философского мышления в национальной художественной словесности. Раскрыто значение устного народного творчества для зарождения и дальнейшего развития профессиональной художественно-философской мысли.

Литература народов Поволжья и Приуралья, как и все литературы мира, имеет свою судьбу и историю. Их судьба очень схожа с судьбой многих младописьменных народов, которым пришлось пройти долгий путь устного (хоть и профессионального) развития вследствие отсутствия своей письменности. Так, к примеру, в чувашской литературе первые образцы профессионального художественного творчества (мы здесь упустим переводы, этнографические очерки и восхваляющие высоких особ оды) были записаны Д.П. Ознобишиным и напечатаны в журнале «Заволжский муравей» (Казань) в 1833 г. Это были стихи народного певца Хведи. «Зачинателями индивидуального творчества в чувашской поэзии выступают поэты-импровизаторы, – пишет по этому поводу в своем исследовании Е. Ермилова. – Одним из них является Чуваш Хведи. Опираясь на народное творчество, Хведи вносил в стихи новое, близкое автору и его современникам. Он выступил зачинателем индивидуального словесного творчества, объединившим традиции устной поэзии и каноны художественной литературы. Если панегирические стихи XVIII в. были написаны под явным влиянием религиозной и официальной риторики, сочинения Хведи выражают мысли, близкие чувашскому народу. Стихотворный строй его стихов также близок к устно-поэтическим традициям» [1. С. 5].

Остановимся на определении своеобразия чувашского миросозерцания, которое позволит понять не только художественное видение Хведи, но и определить истоки художественно-философского мышления всех последующих поколений чувашских писателей. Обратимся к исследованиям профессора В.Г. Родионова, где весьма удачно раскрыта вся сущность мировоззрения предков современных чувашей – чувашей-язычников. Так, он пишет: «... древние народы, в том числе и предки современных чувашей, определяли время по природным циклам. Идея цикличного времени определила структуру чувашской языческой культуры и языка». Далее он отмечает, что миропонимание чуваша-язычника строилось на концепции единства человека и природы: «Чуваш-язычник не отделял собственную жизнь от движения Природы. Великая гармония между Природой и человеком – вот идеал, к которому стремился средневековый чуваш-язычник. В результате таких стремлений в мышлении чувашей начала преобладать логика согласования, а не подчинения, как у многих европейских народов. Логику достижения великой гармонии чуваши назвали «çураçтару» – «достижение согласия», «примире-

ние», «достижение равновесия и порядка» [2. С. 13]. Однако «христианство, утвердившееся в чувашском обществе в XVIII–XIX вв., приобщало вчерашних язычников к европейской идее подчинения Природы Человеку. <...> В результате распространения европейской концепции личности в чувашской среде рано или поздно должна была возникнуть концепция деятельного человека, она, несомненно, разрушила бы традиционный принцип «недеяния». Такой период в чувашском обществе наступил во второй половине XIX в. и достиг своего апогея в первые два десятилетия XX в.» [2. С. 14].

При таком развитии миропонимания чувашского народа, поэзия Хведи оказывается на пограничной линии между языческим и европейско-христианским воззрениями. В его поэзии еще сильны языческие идеи, но уже проявляется и христианское мировосприятие. Идейное пространство стихотворений Хведи строится на том, что в нем гармонично соединяются понятия времени природного и человеческой жизни. Чувство красоты чуваша, его художественно-эстетическое мышление здесь выражается через уподобление человеческой жизни с явлениями природы. Поэтому и время в произведении Хведи отражается в двух плоскостях: природы и человека. И то, что лес является местом тайных игр молодых парней и девушек, можно увидеть во многих его стихах. Во всем этом поэт, вероятно, видит стержень природного и человеческого миров. По высказыванию профессора Г.И. Федорова, в этом проявляется особенность развития художественно-философского мышления не только Хведи, но и всей чувашской литературы. Он пишет: «В философской прозе на первом месте стоят образы-символы, образы-лейтмотивы, иносказательность, скрытый смысл часто используемых деталей ... По моему мнению, чувашская литература с первых своих шагов этот метод сделала для себя первостепенным и важным. Уже поэт Хведи, родившийся где-то в 1810-х гг., подметил, что в мире с одной стороны стоит природа («кукушка кукует в камышах», «перепёлка поет во ржи»), а с другой – человек («а нам петь не хочется?»). Эти две стороны в характере героя выравниваются своеобразно. Человек осмысливает себя через связь с миром» [3. С. 17].

Итак, творчество Хведи для чувашской литературы стало первым опытом соединения устно-поэтического и авторского в форме, народного и индивидуального сознания – в идее. Эту особенность его творчества отмечают все исследователи дореволюционной чувашской литературы. К примеру, в работах профессора В.Г. Родионова по этому поводу читаем: «Художественное мышление и видение поэта является чисто фольклорным. Стихи написаны на основе народной семисложной силлабики с вертикальным словоразделом после четвертого слога. Но в них уже четко выступает осознанное авторство поэта. Поэтому его стихи несколько отличаются от текстов народных песен» [4. С. 236]. По мнению профессора Г.И. Федорова, в стихотворениях Хведи воплощена идея поиска равноправия с природой, с жизнью птиц и растений, которые живут по другим, независимым от человека законам. Человек не только ощущает себя отдельным от природы, он ищет в ней законы бытия, тайны миропорядка. Удаленные друг от друга природа и человек не равновелики. При этом, по утверждению исследователя, все-таки сохраняется мысль о родстве с природой. Обозначено это в цикличности явлений природы и в том, как и что с человеком происходит. «Эротизм творческих поисков Хведи, – читаем в исследовании Г.И. Федорова, – становится важным стимулом философского осмысления онтологии человеческой судьбы. Именно поэтому в его песнях появляется тревожное чувство – ощущение драмы, трагедии. <...> Образ природы, ее жизнь для такого героя как бы закавычены, окультурены мифологическим сознанием, они входят в душу персонажа именно как элемент состоявшейся, так или иначе «организованной», сформировавшейся в народном художественном и мифологическом сознании культуры» [5. С. 174]. То есть образы перепела, черемухи, березы, хмеля в стихотворениях Хведи в какой-то мере являются цитатами, эмблемами, знаками, выражающими определенное мироощущение народа, его художественно-философское сознание.

Естественно, Хведи был не единственным автором первой половины XIX в. В истории развития чувашской литературы известны также имена Ягура (Н.И. Золотницким записаны его 25 песен, которые в дальнейшем были опубликованы в различных изданиях на чувашском, русском и немецком языках) и Максима Федорова (предположительно автора стиха «Мы чувашами родились»). Именно они – Хведи, Ягур, Максим Федоров – стали первой ласточкой и открыли широкую дорогу для дальнейшего развития всей чувашской литературы. К примеру, художественно-эстетические поиски и открытия этих писателей в дальнейшем еще более отчетливо проявились в творчестве М.Ф. Федорова, поэма «Леший» которого стала вершиной чувашской поэзии 1880–1890-х гг. Основной особенностью поэтики произведения М. Федорова стало то, что жизнь чувашского крестьянства 70–80-х гг. XIX в. поэт запечатлел напрямую через мировосприятие героев. Так, и мышление, и мировоззрение, и речь героя поэмы Хведера получились по-настоящему крестьянскими. Глубокий психологизм, внутренние монологи и слова автора, развитие сюжета и образ природы – все это используется здесь для более полного раскрытия жизненной правды, для весомого изображения характера героя. Более того, ее стиль полностью взращен на фольклоре, его образной системе, традиционной жизни и философии народа. Поэтому «мифопоэтическое мышление здесь чередуется или смешивается с реалистическими картинами мира» [6. С. 40].

Нет сомнения, что фольклор является одним из важнейших ветвей, основным фундаментом национальной литературы. Однако это не единственный фактор. Так, к примеру, развитию чувашской художественной словесности, зарождению ориги-

нального художественно-философского мышления в литературе способствовало и просветительское движение второй половины XIX в. Развитие школьной системы создавало условия не только для возникновения национальной интеллигенции и ее профессиональной культуры, но и для становления нового философского мышления, мировосприятия всей нации. Объединяющим центром культурного и просветительского движения для народов Поволжья стали города Казань и Симбирск. Особенно после открытия в 1801 г. Азиатской типографии в г. Казани и основания в 1804 г. Казанского университета, а также в 1868 г. Симбирской чувашской школы. Вот, к примеру, как характеризует значение г. Казани для малых народов этого региона венгерский исследователь: «В жизни приволжских народов такую – направляющую, управляющую и воспитывающую – функцию носил город Казань, ставший наиболее значительным идеологическим центром всех инородцев. Из народов, относившихся к его сфере влияния, наиболее важными были татарский (этот город и ранее был столицей татар, оставался ею и позднее) и чувашский (оба тюркоязычные), а из уральских народов – марийский, мордва и удмурты, в меньшей степени пермяки» [7. С. 125]. Естественно, идеи Просвещения способствовали развитию и образования, и национальной культуры. И в первую очередь художественной словесности, которая стала бурно развиваться в дидактико-просветительском, романтическом и реалистическом направлениях. По мнению исследователя С.А. Александрова, «положение дел в чувашской литературе данного периода можно охарактеризовать как «литературу на перепутье». Чувашские писатели словно бы стремились на себе, на своей действительности с присущем ей общественным сознанием «примерить» различные эстетические «модели», свойственные разнообразным этапам развития мировой культуры» [8. С. 9].

Следует заметить, что художественная литература народов Поволжья и Приуралья во многом повторила один и тот же путь развития от форм устного народного творчества к оригинальным жанрам профессионального творчества, включая и период Просвещения. Однако условия, пути и уровень развития духовной культуры у разных народов оказались разными. В худшем положении находилась башкирская литература, находившаяся под большим влиянием татарской культуры. Творческая энергия башкирского народа реализовалась преимущественно в фольклорной сфере. Тем не менее, как отмечают исследователи башкирской литературы, «письменная литература начала складываться в Башкирии еще в XVI в., причем до середины XIX в. бытовала лишь в рукописной форме. Преобладала в ней поэзия, развивавшаяся в двух основных направлениях – светском и религиозно-мистическом» [9. С. 6]. Характерными особенностями литературного процесса в Башкирии в XIX в. было «постепенное вызревание и утверждение реалистического начала в художественном творчестве, усиление роли и значения художественного слова в культурной жизни народа, в развитии общественной мысли и эстетических воззрений» [9. С. 27]. Вместе с тем, следует не забывать и о том, что в XIX в. башкиры большей частью обучались в татарских медресе. Учащиеся этих медресе знакомились с произведениями на тюркском языке, т.е. с древней татарской литературой. Поэтому башкирские писатели, которые обучались в этих медресе, писали не на башкирском, а на языке древней татарской литературы. Как отмечают исследователи башкирской словесности, становление башкирской поэзии и прозы на татарском языке происходило также и под влиянием таких писателей татарской литературы как Г. Тукай и Г. Ибрагимов.

И естественно, в наиболее выгодной ситуации была сама татарская литература, которая благодаря мусульманской религии имела и письменность, и связь с восточной литературой. По мнению исследователей, татарская литература «унаследовала все лучшее, что было в многовековом опыте татарской письменной книжности. При близком знакомстве прослеживаются в ней традиции восточной классической литературы, представленной именами Фирдоуси, Низами, Джами, Сараи, Гали, Навои, а также обнаруживается влияние восточных фольклорных памятников таких, как знаменитая «Книга тысячи и одной ночи», «Книга сказаний о Ходже Насретдине», «Сказания об Авиценне» и другие жемчужины народной поэзии. Но вместе с тем литература татарского Просвещения, одна из первых в поэтическом творчестве тюркоязычных народов, соединила в себе художественный опыт народов Востока и литературы России и Запада. В этом состоит ее непреходящее значение» [10. С. 30]. Как отмечают исследователи, под натиском развивающегося капитализма в татарском обществе в последней четверти XIX в. началась борьба против среднеазиатской религиозной схоластики и мистики, за европейскую культуру и науку. Выдвинулись общественные деятели, делавшие первые шаги в создании научно-популярных книг на татарском языке, в научной разработке специфики татарского языка, в собирании фольклора (К. Насыри). Художественная литература этого периода была проникнута духом просветительства; в ней отражались идеи реформы религии, реформы схоластических школ и приспособления их к потребностям нового мира. Эта литература была направлена в основном против консервативного духовенства и идеализировала представителей новой буржуазии и нового духовенства («Хисамуддин Мулла» Мусы Акджигита, произведения З. Виги, пьесы Г. Ильяси, «Салима» Р. Фахрутдинова, «Студент и шакирд» Ф. Каримова и т.д.).

Более медленными темпами и размахом развивалась коми литература. Так, по замечанию В. Мартынова, коми литература принадлежит к таким литературам народов России, которые «в процессе своего становления, начавшегося еще до Октябрьской революции, окончательно сформировались уже в годы Советской власти как художественные явления нового, социалистического типа. Вместе с

тем она отличается от литератур подобного типа тем, что имеет более длительный дореволюционный период своего становления. Так, если формирование литератур восточноевропейских финно-угоров, удмуртов, коми-пермяков, мордвы и марийцев происходило в рамках трех-четырех десятилетий, то становление коми литературы лишь в дооктябрьский период заняло более полувека» [11. С. 4–5]. Следует также отметить, что произведения коми писателей дооктябрьского периода создавались как на коми, так и на русском языках. По мнению исследователей, первым коми поэтом, более того, основоположником коми литературы, является Иван Алексеевич Куратов (1839–1875). При жизни он опубликовал лишь несколько своих стихотворений. Тем не менее, именно он был тем поэтом, создавшем, опираясь на фольклор и принципы народной эстетики, высокие образцы коми поэзии. И. Куратов использовал предания о христианском просветителе зырян Стефане Пермском, языческом жреце Паме, лесном человеке Ягморте и т.д. Так, к примеру, на фольклорных сюжетах строятся его эпическая поэма «Ягморт» и наброски стихотворной драмы «Пама». Поэт собирал и использовал в своем творчестве пословицы, поговорки, меткие народные изречения. Более того, И. Куратов хорошо знал фольклорный быт своего народа. Как отмечает В. Мартынов, «он не просто заимствовал фольклор, а пользовался им для усиления реалистичности воспроизведения действительности. Часто в его произведениях фигурируют языческие и христианские персонажи и представления – **орт** (дух, двойник человека) (наиболее любимый Куратовым и наиболее оригинальный в коми мифологии), **ен** (бог), **куль** (бес, чёрт), **дявöлвуж** (дьяволы), **ангел, нума** (верховный бог у восточных угров), **мöд югыд** (тот свет), **кульпу** (бесенок), **сюртом дявол** (безрогий дьявол)» [11. С. 21].

Как видим, все литературы Поволжья и Приуралья на первых порах были неразрывно слиты с устной народной поэзией. Стремление создать оригинальную художественную литературу на родном языке, к примеру, у марийцев появилось одновременно с возникновением своей национальной письменности. «Ранние письменные памятники, – отмечают исследователи марийской литературы, – оказались и первыми литературными произведениями. Творческие особенности этих письменных памятников в дальнейшем предопределили идейно-эстетическое своеобразие и направление всей дореволюционной марийской литературы» [12. С. 18].

И, наконец, особо следует оговорить историю развития мордовской литературы. Так, среди исследователей мордовской литературы «существует мнение, что поскольку она возникла на основе русской графики, то временем ее рождения следует считать появление серии произведений фольклорного, мифологического, церковного и словарно-текстологического характера, а также переводов на мокшанском и эрзянском языках, т.е. XVIII век» [13. С. 19]. Эта точка зрения изложена в монографии «Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков» А.П. Феоктистова. В ней рассматриваются первые письменные публикации художественных текстов и памятников, наводящих на мысль о том, что они послужили истоками национальной литературы мордовского народа. Тем не менее, по мнению исследователей, рождение национальной мордовской литературы обусловлено эпохой революции 1905–1907 гг. При этом оно произошло в сфере русской письменности. Первые писатели из мордвы выражали чувства и мысли, думы и чаяния, раскрывали самобытные черты своего народа на русском языке. Это объясняется тем, что национальная письменность, хотя фактически и обрела право на существование, но не получила официального, узаконенного распространения. В силу таких национальных специфических причин мордва до революции 1917 г. выдвинула значительный отряд писателей (М. Герасимов, А. Завалишин, А. Дорогойченко, Д. Морской, З. Дорофеев, В. Бажанов), приобщившихся к художественному творчеству на русском языке.

Таким образом, можно смело утверждать, что проблема формирования художественно-философского мышления в литературах народов Поволжья и Приуралья тесно переплетается как с общей тенденцией развития национальной художественной словесности, так и с вопросами развития духовных и морально-нравственных традиций народа. Неисчерпаемым богатством и источником духовной культуры, которые вдохновляли и способствовали появлению оригинальных произведений художественной литературы, становится мифотворчество народа. И этот миф не является примитивной формой исторических суеверий, а представляет собой «прекраснейшую, поучительнейшую живописную картину, полуфилософию, полупоэтическое искусство», потому что «ценность мифа имеет особую природу, столь же близкую к философскому познанию, как и к поэтическому творчеству» [14. С. 267]. Более того, именно в мифологии происходит первое философско-эстетическое осмысление мира человеком. Поэтому и истоки художественно-философского мышления в литературе уходят своими корнями и прочно упираются на мифологию и художественное сознание народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ермилова Е.В. Истоки и формирование жанров чувашской литературы XVIII–XIX вв.: Автореферат дис. ... к.фил.н. – Чебоксары, 2003. – 28 с.
2. Павлов Ф.П. Собрание сочинений: Поэзия, драматургия, проза, очерки, статьи, письма. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992. – 574 с.
3. Федоров Г.И. Мастер чувашской прозы // Скворцов Ю.И. Березка Угаха: Повести и рассказы. – Чебоксары: Чуваш. кн. издво, 1993. – С. 5–22. (На чуваш. языке).
4. Чувашская дореволюционная литература (до XX века). – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. – 302 с. (На чуваш. языке).
5. Федоров Г.И. Художественный мир чувашской прозы 1950–1990-х годов: Монография. – Чебоксары: Чуваш. гос. инт гуманитарных наук, 1996. – 304 с.
6. Родионов В.Г. Михаил Федоров: комментирование поэмы «Леший». Тексты лекций. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 1999. – 75 с. (На чуваш. языке).
7. Домокош П. Формирование литератур малых уральских народов / Пер. с венгерского. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1993. – 288 с.
8. Александров С.А. Поэтика Константина Иванова. Вопросы метода, жанра, стиля. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. – 192 с.
9. История башкирской советской литературы / Колл. авторов. – М.: Наука, 1977. – 528 с.
10. Вопросы татарской литературы. Сб. статей. – Казань: Изд-во Казан. гос. педагогического ин-та, 1970. – 116 с.
11. Мартынов В.И. Становление коми литературы. Идейно-эстетический аспект. – М.: Наука, 1988. – 233 с.
12. История марийской литературы / Отв. ред. К.К. Васин, А.А. Васинкин. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1989. – 432 с.
13. История мордовской литературы. – Саранск: Мордовский гос. ун-т им. Н.П. Огарева, 1981. – 386 с.
14. Вейман Р. История литературы и мифология. Очерки по методологии и истории литературы. – М.: Прогресс, 1975. – 344 с.